

ВРЕМЕНА. НРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

© 2019 Ю.И. ЩЕРБИНА

С.Л. ФРАНК О ГУМАНИЗМЕ ДОСТОЕВСКОГО

Щербина Юлия Ивановна — аспирантка Школы философии.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
Стажер-исследователь.
Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога.
Российская Федерация, 101000 Москва,
ул. Мясницкая, д. 20.
Электронная почта: juliamyth@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема кризиса гуманизма, раскрытая С.Л. Франком в речи ко дню смерти Ф.М. Достоевского (1931), и предложенный писателем способ преодоления этого кризиса. Анализируются основные исторические типы гуманизма, выделенные Франком, и фиксируется момент зарождения кризиса гуманизма, связанный с учениями Маркса и Ницше. Исследуется вопрос о том, действительно ли Ф.М. Достоевский как мыслитель смог наметить пути преодоления этого кризиса. По Франку, ответом Достоевского на кризис гуманизма и способом его преодоления становится признание онтологической глубины всякой человеческой личности. Достоевский оказывается тем писателем, который вновь смог рассмотреть безусловную значимость человека как такового — вне зависимости от его социального положения, общественного состояния, экономического капитала. Любой его персонаж — это, прежде всего, человек; личность, данная в своей самодостоинности. Вне зависимости от того, каковы люди, добры они или злы, значимость их жизней равноценна. И Достоевский учит внимательного читателя тому, чтобы эту равноценность понимать.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, С.Л. Франк, кризис гуманизма, гуманизм, демоническое начало.

Семен Людвигович Франк обращается к проблеме кризиса гуманизма в своей речи к 50-летию дня смерти Ф.М. Достоевского (1931), и это не случайно. Сам он уже находится в изгнании, «живет трудно»¹ [1, с. 7], испытывает проблемы со здоровьем и финансами, вынашивает план работы «Непостижимое» — своего главного философского труда, который будет опубликован лишь через многие годы. В это время мир уже пережил Первую мировую войну и ряд революций, но ему еще предстоит пройти сквозь вереницу ужасов и преступлений XX века, которые, как впоследствии писал Ричард Рорти, изменяют «человеческое существо как таковое» [6, с. 121].

Как отмечает Франк, «Достоевский — единственный русский писатель, идеи которого играют существенную роль в духовном обороте западной жизни и который стал некоторым фактором в идейном развитии западного мира» [7]. Центральная тема размышлений Достоевского — это, безусловно, человек: его метаморфозы, страдания, поступки и мысли. Именно поэтому Франк рассматривает идеи писателя во взаимосвязи с кризисом гуманизма в Европе: «Нам представляется поэтому чрезвычайно поучительным — и особенно уместным ко дню юбилея Достоевского — отметить особое значение идей Достоевского в том кризисе гуманизма, который за последние полвека переживает европейское человечество» [там же].

Историческое понимание гуманизма, которое берет свое начало в эпоху Возрождения, олицетворяет собой целостную систему взглядов и течение общественной мысли, основанием которых выступает античная традиция. В эпоху Ренессанса, по мнению Л.М. Баткина, гуманизм понимался как «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа», поскольку ‘humanitas’ означало «полноту и неразделенность природы человека» [2, с. 48]. Такую интерпретацию этого термина можно понимать как переключение внимания с божественного начала на человеческое. Гуманизм ставил человека и его достоинство в центр мироздания, превозносил и делал значимым художника-творца. Однако Франк не только не противопоставляет божественное и человеческое, но скорее сводит их вместе в широком

¹ Так, в 1930 году в письме В. Ельяшевичу Франк пишет: «Прошлым летом здоровье мое пошатнулось», а «для восстановления требовалось лечение» [1].

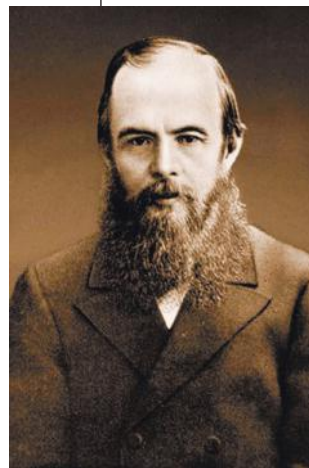
определении гуманизма: «Под гуманизмом (в широком смысле слова, отнюдь не совпадающем с тем специфическим смыслом этого понятия, который ему придается общепринятой исторической терминологией) мы разумеем ту общую *форму веры* в человека, которая есть порождение и характерная черта новой истории, начиная с Ренессанса. Ее существенным моментом является *вера в человека как такового* — в человека как бы предоставленного самому себе и взятого в отрыве от всего остального и в противопоставлении всему остальному — в отличие от того христианского понимания человека, в котором человек воспринимается в его отношении к Богу и в его связи с Богом» [7].

Итак, Франк рассматривает гуманизм как веру в человека как такового, а не в его социальный капитал, экономическую свободу или общественный потенциал. Он полагает, что «из титанических, “фаустовских” мотивов ренессанса рождается особое представление об особом достоинстве человека как существа, самовластно и самочинно устрояющего свою жизнь и призванного быть верховным самодержавным властителем над природой, над всей сферой земного бытия. Это движение приводит в XVII и в особенности в XVIII веке к культу *профанной*, секуляризованной человечности — к провозглашению достоинства и неотъемлемых “естественных” прав человека» [там же]. По Франку, это первый, «просветительский» тип гуманизма: здесь человек провозглашается властелином мира и природы, наделяется благими качествами: он изначально добр, способен и склонен к правильным поступкам. Такой гуманизм смотрит на мир с наивно-оптимистической позиции, согласно которой все зависит от человека и его разума: «все прекрасно в этом лучшем из миров», «все разумное действительно, а действительное — разумно».

Следующий тип гуманизма, который выделяет Франк, — романтический. На смену первоначальным взглядам о добре, заложенном в человеке изначально, приходит более глубокое понимание: чтобы быть добрым, нужно приложить к этому определенное усилие, а «сущность человека лежит не в его “разуме”, а в том, что он есть средоточие и вершина космических сил, некий микрокосм» [там же]. Именно в это время складывается отношение к человеку как тому, кто способен на развитие и самосовершенствование, кто может быть благородным благодаря собственному стремлению быть таковым.

Третий тип гуманизма — натуралистический. В нем человек начинает пониматься как плотское, животное существо. К представителям этого течения он в первую очередь относит левых гегельянцев и Л. Фейербаха, а также натуралистов и материалистов. По Франку, именно здесь в *скрытой*, неосознанной форме «уже

Ю.И. Щербина
С.Л. Франк
о гуманизме
Достоевского

Каким же образом к глубокому кризису гуманистических основ относится Достоевский? Именно он оказывается тем писателем, с которым в то время знакомится западная публика. По Франку, русский писатель пережил и *преодоле*л кризис гуманизма. В своих романах он показывает, *обнажает*, людей, предлагая читателю самые жуткие сцены и самые страшные обличья человеческой личности. Захваченные чем-то поистине демоническим, сладострастием, идеей убить или опорочить, они могут показаться нам в высшей степени отвратительными — как, например, герой «Записок из подполья»: «Я человек больной... Я злой человек. *Непривлекательный* я человек» [4, с. 5], чей поступок по отношению к Лизе кажется нам невозможно жестоким. И в то же время — не

152

проникаемся ли мы сочувствием к Парадоксалисту? Не видим ли мы благородство в убившем старушку-процентщицу Раскольникове, когда он защищает Сонечку от обвинений в краже? Не сопереживаем ли вечно пьянствующему Мите Карамазову с его фанатичной и глубоко болезненной любовью к Грушеньке, не проникаемся ли жалостью к заблуждению Смердякова и его одичалому одиночеству, не ужасаемся ли безразличию Ставрогина в письме к Даше? Не примеряем ли переживания персонажей на нас самих?

Достоевский настолько правдоподобно описывает размышления своих героев, что порой даже становится страшно — не живет ли в каждом из нас такой подпольный человек? Но для Франк дело именно в правдоподобности: Достоевский не боится показывать людей и добрыми, и злыми. «Именно там, где человек в своих слепых и разрушительных страстях восстает против требований разума, против всех правил приличия и общепризнанной морали — именно там прорывается наружу, сквозь тонкую оболочку общепризнанной эмпирической реальности, подлинная онтологическая реальность человеческого духа. <...> Достоевский не отворачивается с безгласностью или презрением ни от одного человеческого существа, как бы дико, зло и слепо оно ни было» [7]. Этот момент философ трактует как смену обличения человека на его оправдание: Достоевский не пренебрегает темной глубиной человека в силу значительности этого элемента. Как отмечает сам Франк, «та иррациональная, неисповедимая, ни в какие нормы добра и разума не вмещающаяся глубина человеческого духа, которая есть источник всего злого, хаотического, слепого и бунтарского в человеке, есть, по Достоевскому, вместе с тем область, в которой одной только может произойти встреча человека с Богом и через которую человек приобщается к благоразумным силам добра, любви и духовного просветления» [там же].

В другой своей работе Франк также отмечает, что русский писатель не просто изображает человека, но показывает всю глубину его диалектики, то есть противоречия человеческого сердца. Достоевский демонстрирует человека свободным — и именно его свобода, свобода человеческого духа может привести к самым жестоким поступкам. Но свобода, соединенная с любовью, позволяет человеку быть ведомым: «Истинное, окончательное ведение человеком есть ведение его Богом, вернее Богочеловеком, который вызывает к каждой человеческой личности, созданной по образу и подобию Божию, для того, чтобы человек умел сам собой руководить» [8, с. 110]. Эта противоречивость одновременно оказывается его глубочайшей онтологической потенцией.

Таким образом, по Франку, ответом Достоевского на кризис гуманизма и способом его преодоления становится признание онтологической глубины всякой человеческой личности: «Достоин-

Ю.И. Щербина
С.Л. Франк
о гуманизме
Достоевского

ВРЕМЕНА. ПРАВЫ. ХАРАКТЕРЫ

ство человека, его право на благополучие, его право на уважение основаны не на каком-либо моральном или интеллектуальном совершенстве человека, не на том, что он “разумен”, “добр” или обладает “прекрасной душой”, а просто на глубине онтологической значительности всякой человеческой личности. Эта глубина лежит “по ту сторону” добра и зла, разума и неразумия, благородства и низменности, красоты и безобразия; она именно глубже, первичнее, более первоизданна, чем все эти определения» [7].

Достоевский оказывается тем писателем и мыслителем, который вновь смог рассмотреть безусловную значимость человека как такового — вне зависимости от его социального положения, общественного состояния, экономического капитала и т.д. Для Достоевского любой его персонаж — это, прежде всего, человек; личность, данная в своей самоценности.

Достоевский явно показывает новый ракурс, с которого стоит смотреть на человека, что у М.М. Бахтина позднее выразится в формуле «быть разнозначным, но равноценным» [3]. Вне зависимости от того, каковы люди, добры они или злы, значимость их жизней равноценна. И, пожалуй, Достоевский учит внимательно читать тому, чтобы эту равноценность понимать.

Литература

1. *Аляев Г.Е., Резвых Т.Н.* «Первая философия» Семена Франка, или Прологомены к книге «Непостижимое» (1928–1933) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2016/2017 годы. М.: Модест Колеров, 2017. С. 7–39.
2. *Баткин Л.М.* Итальянское возрождение. Проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–69.
4. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья. М.: АСТ, 2016.
5. *Кантор В.К.* В парадигме дантовского «Ада» («Отец Горио» Бальзака и «Преступление и наказание» Достоевского) // Изображая, понимать, или *Sentientia sensa*: философия в литературном контексте. М.: ЦГИ Принт, 2017. С. 48–104.
6. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
7. *Франк С.Л.* Достоевский и кризис гуманизма // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М.: Книга, 1990. С. 391–397. URL: <http://www.vehi.net/frank/dost1.html> (дата обращения: 10.03.2018).
8. *Франк С.Л.* Легенда о Великом Инквизиторе // Вестник русского христианского движения. 1976. № 117. С. 101–111.

S.L. Frank on Dostoevsky's Humanism

Yulia I. Scherbina

Postgraduate student. School of Philosophy.

The National Research University Higher School of Economics.

Trainee-researcher.

The International Laboratory for the Study of Russian-European Intellectual Dialogue.

20 Myasnitckaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.

E-mail: juliamyth@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of the crisis of humanism, disclosed by S.L. Frank in his speech on the day of the death of F.M. Dostoevsky (1931), and the method proposed by the philosopher to overcome this crisis. The author analyzes the main historical types of humanism and fixes the moment of origin of the crisis of humanism. The question of whether F.M. Dostoevsky with his teachings was able to overcome this crisis. According to Frank, Dostoevsky's response to the crisis of humanism and the way to overcome it is the recognition of the ontological depth of any human person. Dostoevsky turns out to be the writer and thinker who was again able to consider the unconditional importance of a person as such — regardless of his social status, social condition, economic capital. Any of his characters is, first of all, a man; personality, given in its intrinsic value. Regardless of what people are, whether they are good or evil, the significance of their lives is equal. And Dostoevsky teaches the attentive reader to understand this equivalence.

Keywords: F.M. Dostoevsky, S.L. Frank, the crisis of humanism, humanism, demonic beginning.

For citation: Scherbina Y.I. S.L. Frank on Dostoevsky's Humanism // *Chelovek*. 2019. Vol 30, N 4. P. 149–155. DOI: 10.31857/S023620070005963-6

Ю.И. Щербина
С.Л. Франк
о гуманизме
Достоевского

References

1. Alyaev G.E., Rezvyx T.N. "Pervaya filosofiya" Semena Franka, ili Prolegomeny k knige "Nepostizhimoe" (1928–1933) ["The First Philosophy" of Semen Frank, or Prolegomena to the Book "Inconceivable"]. *Issledovaniya po istorii russkoj mysli: Ezhegodnik za 2016/2017 gody* [Studies in the history of Russian thought: Yearbook 2016/2017]. Moscow: Modest Kolerov, 2017. P. 7–39.
2. Batkin L.M. *Ital'yanskoe vrozozhdenie. Problemy i lyudi* [Italian Renaissance. Problems and People]. Moscow: RGGU Publ., 1995.
3. Baxtin M.M. K filosofii postupka [To the Philosophy of the Act]. Baxtin M.M. *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works: in 7 vol.]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ., 2003. P. 7–69.
4. Dostoevskij F.M. *Zapiski iz podpolya* [Notes from the Underground]. Moscow: AST Publ., 2016.
5. Kantor V.K. V paradigme dantovskogo "Ada" ("Otec Gorio" Bal'zaka i "Prestuplenie i nakazanie" Dostoevskogo) [In the Paradigm of Dante's "Hell" ("Father Goriot" by Balzac and "Crime and Punishment" by Dostoevsky)]. *Izobrazhaya, ponimat', ili Sententia sensa: filosofiya v literaturnom kontekste* [Pretending to Understand, or Sententia Sensa: Philosophy in a Literary Context]. Moscow: CzGI Print Publ., 2017. P. 48–104.
6. Rorty R. *Sluchajnost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony and Solidarity]. Moscow: Russian phenomenology society Publ., 1996.
7. Frank S.L. Dostoevskij i krizis gumanizma [Dostoevsky and the Crisis of Humanism]. *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoj my'sli 1881–1931 godov* [On Dostoevsky: Dostoevsky's creativity in Russian thought of 1881–1931]. Moscow: Kniga Publ., 1990. P. 391–397. URL: <http://www.vehi.net/frank/dost1.html> (date of access: 10.03.2018).
8. Frank S.L. *Legenda o Velikom Inkvizitore* [The Legend on the Grand Inquisitor]. *Vestnik russkogo xristianskogo dvizheniya*. 1976. N 117. P. 101–111.